

КРИЗИС КОНЦЕПЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЛЕВОМ ДИСКУРСЕ

М.А. Радченко

Радченко Мария Алексеевна — аспирантка кафедры философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: ioojik@ya.ru

Радченко М.А. 2020. Кризис концепции идентичности в современном левом дискурсе.

Концепт: философия, религия, культура. Том 4. No 3(15). С. 19–28.

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-19-28>

Статья поступила в редакцию: 28.11.2019. Принята к публикации: 24.08.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

В настоящее время в современном левом дискурсе назрел кризис широко распространенной концепции идентичности. Важность этой концепции для левой идеи связана с её неомарксистскими истоками (Франкфуртская школа), а также с тем, что именно Западный леволиберализм является наиболее актуальным её проводником. Представляется, что постмодернистический отказ от деятельностных подходов к формированию как личности, так и сообществ, только усугубляет этот кризис. Использование категории идентичности как «Deus Ex Machina» приводит к девальвации не только понятия класса, но и понятия угнетённости как таковой, а также приводит к смешению понятий прав и привилегий. Вероятная причина такого положения дел состоит в общем кризисе субъекта истории, который сквозь призму левой идеи можно описать как достижение предела родовой идентичности рабочего класса. Вместо праксиса, позволяющего человеку наиболее полным образом прийти к целостности своего бытия, идентичность личности выстраивается на наборе так называемых практик, которые были реконцептуализированы автором статьи с позиции теории идентичности как экономической теории. Под «практиками» понимается эпизодическая активность, лишённая континуальности, главная цель которой — произвести присвоение той или иной идентичности в целях либо повышения индивидом своей рыночной стоимости, либо отвлечения от собственной неприглядной внутренней действительности. Также привлекает внимание изменение отношения левых к власти, её захвату и удержанию, а также сведение всего комплекса политической деятельности к активизму. В качестве примера можно привести идеи Джудит Батлер — яркой представительницы современной континентальной философии, идущей в русле представлений о прекариате как классе, наиболее полным образом отражающем родовую идентичность современного человека, угнетаемого неолиберализмом. Представляется недостаточно состоятельной позиция Батлер, называющей прекариат, прежде всего, «уязвимым» классом, призванным выразить несогласие с действительностью методом «телесного активирования» протеста, который лишь подчёркивает эту уязвимость и может мешать восприятию классом самого себя как субъекта истории.

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, неомарксизм, леволиберализм, Джудит Батлер, левый дискурс, популизм, рынок идентичностей, прекариат, рабочий класс, активизм.

В настоящее время исследователи отмечают перманентный кризис философских, социальных и политических концепций, в рамках которых категория «идентичность» (или её отрицание) используется для легитимации идеологического господства интеллектуальных и политических сил, получающих ключевые преференции в рамках современной мировой экономической системы. Так, В.А. Емелин отмечает: «Признавая право на существование различных мировоззренческих позиций, постмодернистская идеология, тем самым, не препятствует и даже способствует формированию фундаменталистских моделей идентичности, в предельном случае порождает условия для взращивания самых радикальных тенденций» [Емелин, 2017: 11]. Особый интерес в этой связи представляет левый идейно-политический спектр, поскольку сами концепции толерантности, мультикультурализма и политики идентичности возникли в рамках Франкфуртской школы и начали активно применяться под влиянием видных последователей её «второй волны», среди которых наиболее значим Ю. Хабермас.

Последовавшее за распадом СССР крушение биполярной системы привело к тому, что левая мысль на Западе, а затем и в России, трансформировалась, перестав ассоциировать себя преимущественно с марксизмом и окончательно вобрав в себя идеи философии постмодернизма, постулировавшей «текучесть» субъекта, в сущности, сводя личность к сумме её идентичностей.

Однако в настоящее время консервативный поворот ставит перед исследователями вопрос, в какой степени эта повестка ещё имеет эммансипаторный потенциал, а в какой — лишь тормозит поиск новых возможностей для выхода из сложившегося идейного кризиса и играет на руку пра-

вым популистам, традиционно использующим её в качестве «пугала». Это особенно актуально в свете изменения и самого популизма, а именно — возникновения т.н. «нового популизма», который, если брать правый спектр, несёт в себе черты постмодернистической людификации таких понятий как нация, культура, традиция и т.д. [Сигачёв, Слепцов, Фадеев, 2020].

Институционализация «идентичностной» повестки в рамках левой мысли и практики начала активно происходить уже после «Красного мая» 1968 г., но именно в 1990-х-2000-х гг. капитал одержал главную, идеологическую победу над трудом: по мнению Б.Ю. Кагарлицкого, она состояла в «...повсеместном признании «необратимости» произошедших перемен. Неoliberalизм установил в обществе идейную гегемонию, с которой смирились даже многие политические группы и течения, яростно и искренне правящий класс критикующие» [Кагарлицкий, 2017: 26]. Одной из причин этого смирения является популяризация категории идентичности, взятой не в её изначальном смысле, концептуализированном Э. Эриксоном (идентичность как процесс обретения индивидом чувства самотождественности через диалектическое взаимодействие с социумом), а в более узком смысле, при котором под идентичностью понимается процесс встраивания индивида в постоянно меняющиеся социальные практики. Усложнение общественной жизни, рост свободы выбора, превращающийся в свободу потребления, наложившийся на процессы глобализации, приводят к девальвации самой этой категории.

Эта девальвация — неизбежное следствие отказа от деятельностных подходов к изучению личности, когда возникает закономерный соблазн начать рассматривать личность не как продукт деятельности, а как набор идентичностей, которые, в

зависимости от конъюнктуры, могут быть легко приобретены, изменены, заменены, отброшены. Казалось бы, возможность конструировать и менять идентичности способствует развитию индивидуальности субъекта. Однако ещё в середине XX в. Э.В. Ильенков предупреждал об опасности подобных взглядов: «Ее (*личности*) неповторимость не в том, чтобы во что бы то ни стало выпячивать свою индивидуальную особенность, свою „непохожесть“ на других, свою „дурную индивидуальность“, а в том и только в том, что, впервые создавая (открывая) новое всеобщее, она выступает как индивидуально выраженное всеобщее» [Ильенков, 1984: 355]. П.Н. Кондрашов отмечает, что из учения Маркса о практике как родовой сущности человека вытекает фундаментальная концепция становления его действительной целостности (тотальности). Современная мир-система переживает глубочайший антропологический кризис, которому присущи дисгармония и отчуждение человека, децентрация и распад Я, экзистенциальная разорванность, и главное — «господство нецелостных, „урезанных“ и одномерных (Г. Маркузе), фрагментированных (Ю. Хабермас) и частичных (К. Маркс) отношений человека с миром», которые формируют и «урезанную» форму самого человека [Кондрашов, 2020: 36, 37, 38]. В этой связи закономерно встаёт вопрос о том, в какой степени политика идентичности исходит из *праксиса* носителей этих идентичностей, а до какой — является предметом торговли на символическом рынке идентичностей, который, следуя логике развития рынка в обществе потребления, предлагает безграничные возможности для манипулирования идентичностью ради достижения привилегированного положения.

В начале XXI в. деятельностный подход может показаться устаревшим даже для левой мысли, т.к. страх перед «большими нарративами», перед «тоталитарным» всеобщим и перед способностью это всеобщее выражать, особенно в политической форме, приводит к социальному одобрению «выпячивания» индивидуальных особенностей как демонстрации возможности современного человека делать

огромное количество выборов в абсолютно всех областях частной жизни. В этой же самой связи до сих пор популярностью пользуются концепции креативности, «потока» [Чиксентмихайи, 2013] и индивидуального *самовыражения ради самовыражения*, толкуемого как высшая ценность бытия человека. Сама по себе концепция ценности творческого развития индивида, безусловно, не несёт в себе никаких отрицательных коннотаций. Проблема в том, что в контексте рыночного информационного общества творческая *деятельность*, как континуальный процесс, перманентно оказывающий влияние на всю структуру личности субъекта и способствующий её развитию, подменяется креативными *практиками* — эпизодической активностью, лишённой континуальности, главная цель которой — произвести присвоение той или иной идентичности в целях либо повышения своей рыночной стоимости на «ярмарке тщеславия», либо отвлечения от собственной неприглядной внутренней действительности через состояние «потока». Методологически противопоставить этим концепциям весомую критику совсем непросто, поскольку в психологии положительный эффект креативных практик принято измерять эмпирически. Однако установить эмпирическим путём разницу между практикой и деятельностью не представляется возможным, поскольку это — вопрос установок, а не их результатов. Здесь приходится прибегать к анализу описательных метафизических конструкций, фиксирующих такие установки.

Концепции креативности, неразрывно связанные с риторикой идентичности, имеют прямое отношение к тем спектрам левого дискурса, который не видит ничего плохого в адаптации гуманистических концепций творческого развития личности к современной рыночной реальности, полагая, что таким образом и достигается «царство свободы». В связи с тем, что в быстро меняющемся мире быть нацеленным на результат становится проблематично из-за деструктурированности жизни и упадка традиционных институтов, акцент смещается на сам процесс: центральной проблемой современного индивида ста-

новятся поиски себя через различные игровые стратегии, возникает так называемое *identity play society* — «общество игры с идентичностью» [Восканян, 2009]. Игра становится обыденностью — человек «привык к виртуальному общению и конструированию своих многочисленных „имиджевых“ „Я“, к тотальной иронии и карнавальности информационного пространства. Подлинность более не имеет прежнего значения» [Восканян, 2009: 171].

Можно сказать, что основным проводником политики идентичности в настоящее время является западный леволиберализм, берущий свои истоки в «культурном марксизме». Нельзя не отметить противоречивость леволиберального дискурса. С одной стороны, «ориентация на позитивистскую и постмодернистскую методологию привела к всё более широкому распространению ... тяги к мелкотемью и уходу от наиболее фундаментальных проблем философии истории» [Бузгалин, Булавка-Бузгалина, Колганов, 2020: 16].

С другой стороны, ряд исследователей предостерегает от исключительно критического и насмешливого отношения к этому дискурсу. Так, Л.Г. Фишман полагает, что в нашу эпоху разрушения оптимального морального баланса социального государства именно в рамках леволиберализма осуществляется поиск новых философских, моральных и идеологических оснований социальной политики, «в то время как оппонирующие леволиберальному дискурсу левые и правые популисты пока способны выдвигать только утопические лозунги его возрождения или защиты» [Фишман, 2020:12]. Апелляция леволибералов к «идентичностям» разного рода действительно вносит значимый вклад в разрушение единства трудящихся, но это единство, по мнению Фишмана, «и раньше было весьма относительно», особенно если учесть, что одним из важнейших идеологических источников идеи социального государства является национализм и в основе его лежит государство национальное [Фишман, 2020:12]. Стоит, однако, согласиться с мыслью о том, что в настоящее время субъект эмансипаторной политики не может быть сформулирован на основе

универсальной морально-этической повестки, и только «взгляд с позиции классовой борьбы позволяет понять, каким образом класс предзадаёт и формирует возможный опыт субъекта и его габитус, то есть осмыслить механизмы воспроизводства эксплуатации и угнетения» [Егорова, 2019: 123].

Как видим, чрезмерное увлечение категорией идентичности в левой теории порождает кризис проблемы субъекта исторической практики: «Стоит ли искать такой субъект в области производства, адаптируя понятие „рабочий класс“ к меняющемуся характеру труда в постиндустриальном, информационном капитализме, или же левая политика должна полностью отказаться от экономистского подхода, признав и приняв дискурсивный, сконструированный характер любого политического субъекта, — другими словами, должны ли левые вступить на путь популистской политики? (Связанный с этим вопрос — как в полной мере интегрировать феминизм и борьбу за права ЛГБТ в левую повестку, сохраняя при этом критическую дистанцию по отношению к мейнстримной „политике идентичности“?)» [Будрайтскис, Матвеев, 2018: 10].

Представляется, что второй вариант (отказ от экономистского подхода) ведёт лишь к девальвации самого понятия угнетения и связанному с ним дискурса социальной справедливости. Логика бесконечного конструирования идентичностей привела к расширению пространства «угнетённых», будь то классов или социальных групп. А понятие социальной справедливости в кругах леволиберальных интеллектуалов, на словах отрицающих неолиберализм, а на деле встроённых в него, в сущности, свелось к раздаче привилегий социальным группам, возведённым бенефициарами экономической системы в статус «угнетённых». Благодаря политике идентичностей относить себя к категории угнетённых и эксплуатируемых стало гораздо проще, особенно в развитых странах, поскольку перенос производственных мощностей в страны третьего мира и расширение рынка труда в непроизводительной сфере привел к кризису идентичности

западного промышленного пролетариата. Однако завоевания синдикализма в развитых странах диктовали постоянное стремление некогда производящего класса поддерживать планку уровня жизни, в связи с чем в «левом» дискурсе стали появляться различные заменители понятия «пролетариат», наиболее популярным из которых сейчас является понятие «прекариат», концептуализированное в 2011 г. Г. Стэндингом: «Он состоит из множества необеспеченных людей, живущих непостоянной жизнью, работающих в случайных и постоянно меняющихся местах без всяких перспектив профессионального роста; прекариат — это миллионы разочарованных молодых людей с образованием, которым совершенно не по душе то, что их ждёт впереди; миллионы женщин, сталкивающихся с жестоким обращением на депрессивной работе; постоянно растущая армия тех, кто отмечен клеймом преступника на всю жизнь; миллионы „нетрудоспособных“ и мигрантов по всему миру» [Стэндинг, 2014]. Этот социальный слой «олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особо изощрённые формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а в конечном счёте и качества жизни» [Тощенко, 2015: 3]. Отечественные исследователи относят к прекариату часть населения, занятого на временной работе, работающих неполный рабочий день, безработных, мигрантов, стажёров и часть студентов, представителей креативных профессий и др. [Тощенко, 2015: 5]. Концепция прекариата как нового ключевого субъекта истории вызывает вопросы в силу его разнородности, серьёзно затрудняющей его консолидацию, что особенно осложняется принадлежностью к нему части «креативного класса», пускай во многом номинальной. Именно он зача-

стую претендует на роль авангарда прекариата, однако это вовсе не означает, что ему удастся выразить чаяния всего этого огромного социального слоя. Почему — станет понятно, если принять точку зрения, согласно которой прекариат — это, прежде всего, составная часть пролетариата и интерес представляют скорее сами процессы прекаризации, а не чёткая формулировка этого понятия [Бирюков, 2015: 162]. В этом контексте, по крайней мере, в российской действительности «креативный класс» вряд ли может выступать выразителем интересов всего прекариата. В российских условиях «креативный класс» в значительной мере пересекается с интеллигенцией. По крайней мере, с той её частью, которую И. Будрайтскис называет «интеллигенцией стиля», неспособной сделать сознательный выбор в пользу большинства (этот слой, по его мнению, консолидировался в ходе политических протестов 2011 г. и объединился не вокруг лозунга «За честные выборы», а вокруг этического содержания, как движение «порядочных людей», «русских европейцев», «нормальных людей»), противопоставляя её «органической интеллигенции»¹.

Возвращаясь к вопросу о кризисе субъекта истории, отметим, что ещё в 2006 г. Ален Бадью, критично настроенный в отношении «политики идентичностей», утверждал, что родовая идентичность рабочего класса достигла предела насыщения. Обращаясь к наследию Маркса, Бадью трактует родовую идентичность, как «идентичность по ту сторону всех идентичностей»², т.к. в Марксовой парадигме рабочий класс воплощает собою весь человеческий род, соответственно, освобождение рабочего класса есть освобождение всего человечества. И заменить эту родовую идентичность простой совокупностью идентичностей, по Бадью, нельзя — требуется такая человеческая группа, которая

¹ Будрайтскис И.Б. 2013. Интеллигенция как стиль. *Художественный журнал Moscow Art Magazine*. № 93. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/5/article/31> (дата обращения: 07.08.2020).

² Бадью А. 2006. Родовая идентичность рабочего класса достигла предела насыщения (Интервью на конференции «Возможна ли история Культурной революции» в Вашингтонском университете в феврале 2006 г. Пер. с англ. А. Скидан). *Скепсис*. URL: https://scepis.net/library/id_1492.html (дата обращения: 07.08.2020).

воплотила бы в себе эту всеобщую, родовую характеристику, которой прежде обладал пролетариат³.

А.А. Коряковцев, поднимая тот же вопрос, справедливо отмечает противоречие классического марксизма, заключающееся в противостоянии эмпирического промышленного пролетариата — и того, кем он должен быть [Коряковцев, 2013: 66]. Опыт рабочего движения показал, что революционность пролетариата оказалась ограничена рамками эпохи становления индустриального производства [Коряковцев, 2013: 66]. Соответственно, этими рамками оказалась ограничена и присущая ему родовая идентичность, воплощающая человека как такового.

Видный представитель постсоветской школы критического марксизма А.А. Бузгалин предлагает искать ответ на вопрос о новом историческом субъекте в *креатосфере*, предполагая, что наибольшую роль в будущем будут играть работники массовых творческих профессий (т.н. работники *креатосферы*): учителя, врачи, деятели искусства, инженеры, учёные, социальные работники, экологи и т.д. [Бузгалин, 2018]. Такой вывод он делает исходя из постулата о том, что творческий по содержанию труд становится главным фактором прогресса экономики. Его коллега А.А. Колганов отмечает ещё не выявившееся во всей полноте, но всё же существующее противоречие в положении этого социального слоя: «с одной стороны, независимых творческих личностей, от которых зависит успешность технологических инноваций, жизненно необходимых капиталу в конкурентной борьбе за долю прибыли, а с другой, как наёмных слуг капитала» [Колганов, 2018: 186]. Однако при всём желании расширения влияния представителей творческих профессий в обществе и вообще расширения возможностей для творческого труда, следует проявлять осторожность в использовании концепций креативности и разделять понятия «креативность» и «творчество» (что, напри-

мер, неоднократно отмечали участники VI международной научной конференции «Творчество как национальная стихия: роль индивидуальности в творческом контексте XXI в.», состоявшейся 30 июня — 2 июля 2020 г.).

Проблема переопределения субъекта истории в левом дискурсе также влияет на кризис концепции идентичности в области отношения к политике, к власти, её захвату и удержанию. Всё больше и больше под политикой в леволиберальном постмодерновом дискурсе подразумевается активизм. Активизм, в отличие от политики, не содержит в себе пространства для риска — предполагается, что активисты могут выходить на улицу по незыблемому праву на свободу собрания, и это право должно быть гарантировано им государством, тогда как в классическом марксистском подходе к теории революции власть — это то, что берут, за что борются, ради чего рискуют. Сейчас же в левом дискурсе победила концепция «*homo ludens*» («человек играющий»). Одним из подтверждений этого является философия Джудит Батлер, американской исследовательницы гендерной теории, теории политики, теории собрания и т.д. С точки зрения кризиса субъекта истории в левом дискурсе, интерес представляет её труд «Заметки к перформативной теории собрания», в котором она сквозь призму проблемы гендерного угнетения, а также массовых движений (Арабская весна, движение «Осциру» и др.) — пытается найти то всеобщее, что должно объединить все угнетённые слои населения.

Батлер справедливо приходит к выводу, что политика идентичности зашла в тупик и больше не даёт ответов на вопросы о том, на какой основе должна строиться солидарность угнетённых классов и слоёв; что она «не способна дать более общего понимания политического значения совместного проживания» [Батлер, 2015: 32]. В качестве понятия, подходящего для родового объединения всех слоёв, страдающих

³ Там же.

от последствий неолиберальной политики, Батлер использует понятие прекариата. Но, в отличие от Г. Стэндинга, который назвал его «новым опасным классом», Батлер, скорее, характеризует его как класс «уязвимый». Она выводит понятие прекариата за рамки понятия идентичности, называя его «социально-экономическим состоянием, но не идентичностью», «рубрикой», которая «объединяет женщин, квиров, трансгендерных людей, бедняков, людей с альтернативными возможностями, не имеющих гражданства, а также религиозные и расовые меньшинства» [Батлер, 2015: 62]. То есть, в него включаются «уязвимые» группы населения, страдающие либо от экономических проблем, либо от политического насилия. Альянсы таких меньшинств, которым отказано в праве публичного самопроявления, представляются Батлер крайне значимыми в политическом противостоянии неолиберальному государству. Ей интересно проследить, как прекариат — «этот средний и в некоторых отношениях опосредующий термин — способен действовать или уже действует в качестве точки соединения различных групп, между которыми в противном случае не много общего, скорее уже взаимное подозрение и противостояние» [Батлер, 2015: 14].

Однако, несмотря на крайне критичное отношение к распаду социального государства, на совершенно справедливую постановку вопроса о недопустимости жестокого и циничного отношения неолиберальной власти к наиболее уязвимым слоям населения, Батлер не удаётся вывести вопрос о власти, а, следовательно, о субъектности угнетённых классов, на новый уровень, при этом она рассматривает угнетённость через призму «людификации», предлагая виртуальный образ действия — телесное активирование протеста, где тело, которое вроде бы является

самой реальной реальностью, выступает как виртуальная связующая совершенно разнородных по своей сути социальных групп (можно сказать, что Батлер говорит о «политическом теле»). По сути, всё, что она предлагает — это идущая от Ханны Арендт концепция «права иметь право» на нормальную жизнь, на свободное выражение гендерных и прочих особенностей и т.д. В качестве декларации «право иметь право» — это прекрасная концепция. Однако, с тем, *кто* должен обеспечить это право, возникает заминка. Сама лексика, которую употребляет Батлер для обозначения угнетённых слоёв — «уязвимые», «хрупкие», «страдающие» — наводит на мысль, что этим слоям присваивается скорее статус объекта, чем субъекта. Видимо, подразумевается, что обеспечить желанные права должны не сами протестующие, а то государство, против которого они выступают. Вместе с тем, малейшая мысль о возможности применения насилия в адрес этой власти левыми отвергается. Последствием такого отношения американских левых к вопросу о власти стало избрание президентом Дональда Трампа.

Итак, рассмотрение кризиса концепции идентичности в левом дискурсе показало, что его истоки следует искать в идеях неомарксизма, институционализированных на государственном и надгосударственном уровнях. В настоящее время наиболее ярко этот кризис проявляет себя в леволиберализме и левом популизме. В то же время, он тесно связан с общим кризисом определения всеобщего историко-политического субъекта и по сути является его производной. Анализ основных концепций, продолжающих оказывать влияние на современный левый дискурс, позволяет заключить, что вопрос о субъекте в указанном аспекте здесь в настоящее время ещё не решён.

THE CRISIS OF THE CONCEPT OF IDENTITY IN MODERN LEFT-WING DISCOURSE

M.A. Radchenko

Mariya A. Radchenko — PhD student, Department of Philosophy MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: ioojik@yandex.ru

Radchenko M.A. 2020. The Crisis of the Concept of Identity in Modern Left-Wing Discourse. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. No 3(15). P. 19–28. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-19-28>
Received: 28.11.2019. Accepted: 24.08.2020.

Conflicts of interest. The author declares the absence of the conflicts of interest.

Abstract. The analysis concerns the conceptual crisis within the leftist discourse, which manifests itself in conceptual tensions within the Marxist ideology and philosophy on such cornerstone issues as identity, praxis and practice. The importance of identity for the left idea is connected with both neo-Marxist origins (Frankfurt School) and modern Western left liberalism which fuels the identity debate. The post-modern rejection of activity (Marxist praxis) conditions the identity-practice crisis. Manipulating the category of identity devaluates the concept of class, and, more importantly, the concept of oppression, leading therefore to confusion of the concepts of rights and privileges. The probable reason for that is the general crisis of the subject and, thus, its identity. Inside the left it can be described as *saturated generic identity of the working class* (Badiou). Instead of praxis, which allows a person to embody the integrity of being, personal identity is built on practices reconceptualized here in terms of identity theory as an economic theory. Practices mean episodic activities, void of continuity and integrity, aimed at increasing one's market value. Therefore, the left accommodates to neoliberalism, reduces the political activity to activism. The discussion on class issues and the rise of precariat shows that trend. Judith Butler can serve as an example, as her approach defines precariat *vulnerable* and only able to confront neoliberalism with *bodily activation* of protest, which only emphasizes precariat's weakness, incorporates it in neoliberalism, prevents it from realizing its historical subjectivity.

Keywords: identity, identity policy, neo-Marxism, left-liberalism, Judith Butler, leftist discourse, populism, identity market, precariat, working class, activism.

References:

Biryukov A.A. 2015. Poiavlenie prekariata ili vozvrashchenie proletariata? (O knige Gaia Stendinga «Prekariat — novyi opasnyi klass») [The Emergence of the Precariat or the Return of the Proletariat? (On Guy Standing book "The Precariat: The New Dangerous Class")]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. № 10. P. 158-162 (In Russian).

Budraitskis I.B. 2013. Intelligentsiia kak stil' [Intelligentsia as a Style]. *Khudozhestvennyi zhurnal Moscow Art Magazine*. № 93. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/5/article/31> (accessed: 07.08.2020) (In Russian).

Butler J. 2015. *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 256 p. (Russ. ed.: Butler J. 2018. *Zametki k performativnoi teorii sobraniia*. Moscow: Ad Marginem. 248 p.)

Buzgalin A.V. 2017. Kreativnaia ekonomika: chastnaia intellektual'naia sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse [Creative Economy: Private Intellectual Property or Everyone's Ownership of Everything?]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. № 7. P. 43-53 (In Russian).

Buzgalin A.V., Bulavka-Buzgalina L.A., Kolganov A.I. 2020. *Marks online: Budushchee marksizma i marksizm budushchego* [Marx Online: The Future of Marxism and the Marxism of Future]. Moscow: LENAD. 344 p. (In Russian).

Csikszentmihalyi M. 1990. *Flow: The Psychology of Optimal Experience*. New York: Harper & Row. 303 p. (Russ. ed.: Csikszentmihalyi M. 2013. *Potok: Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniia*. Moscow: Al'pina Non-fikshn. 464 p.).

Egorova A.E. 2018. Avtobiograficheskii podkhod Did'e Eribona v kontekste sovremennykh diskussii o klassovoi identichnosti [Didier Eribon's Autobiographical Approach in the Context of Contemporary Discussions on Class Identity]. *Sotsiologiya vlasti*. 30 (4). P. 106-127 (In Russian).

Emelin V.A. 2017. Krizis postmodernizma i poteria ustoichivoi identichnosti [The Postmodernist Crisis and the Loss of Stable Identity]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. № 2 (26). P. 5-15 (In Russian).

Fishman L.G. 2020. Moral'nyi balans sotsial'nogo gosudarstva i pravda levoliberal'nogo diskursa [Moral Balance in Welfare State and the Truth of Left-Liberal Discourse]. *Voprosy filosofii*. № 5. P. 12-24 (In Russian).

Il'enkov E.V. 1984. Chto zhe takoe lichnost'? [What is a Personality?]. *S chego nachinaetsia lichnost'* Moscow: Nauka. P. 319-358 (In Russian).

Kagarlitskii B.Iu. 2017. *Mezhdru klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma* [Between Class and Discourse. How Left Intellectuals Serve Capitalism]. Moscow: HSE Publishing House. 280 p. (In Russian).

Kolganov A.I. 2018. Marks-XXI: predely i potentsial sotsial'noi filosofii: Kriticheskie remarki [Marx, 21st century: Limits and Potential of Social Philosophy. Critical Remarks]. *Voprosy filosofii*. № 6. P. 180-193 (In Russian).

Kondrashov P.N. 2020. Marksova kontseptsia stanovleniia tselostnosti cheloveka [Karl Marx's Concept of Formation of Human Integrity]. *Voprosy filosofii*. № 5. P. 36-48 (In Russian).

Koriakovtsev A.A. 2013. Revoliutsionnost' rabocheho klassa: marksistskaia teoriia i sovremennaia real'nost' [Working Class Revolutionism: Marxist Theory and Modern Reality]. *Sotsium i vlast'*. № 4 (42). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsionnost-rabocheho-klassa-marksistskaya-teoriya-i-sovremennaya-realnost> (accessed 30.05.2019) (In Russian).

Shkarin D.L. 2018. Kontsept "krizisa identichnosti" v sovremennom sotsial'no-filosofskom diskurse: teoretiko-metodologicheskii aspekt [The Concept of the "Identity Crisis" in Contemporary Social and Philosophical Discourse: The Theoretical and Methodological Aspect]. *Vestnik ChelGU*. № 5 (415). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-krizisa-identichnosti-v-sovremennom-sotsialno-filosofskom-diskurse-teoretiko-metodologicheskii-aspekt> (accessed 19.04.2019) (In Russian).

Sigachev M.I., Sleptsov E.S., Fadeev E.V. 2020. Novyi pravyy populizm: tendentsii i perspektivy na primere riada evropeiskikh gosudarstv (Italiia, Frantsiia, Germaniia, Avstriia) [New Right-Wing Populism: Tendencies and Prospects – Evidence from Some European States (Italy, France, Germany, Austria)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 22 (3). P. 458-474 (In Russian).

Standing, G. 2011. *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic. 198 p. (Russ. ed.: Stending G. 2014. *Prekariat — novyi opasnyi klass*. Moscow: Ad Marginem. 328 p.).

Toshchenko Zh.T. 2015. Prekariat — novyi sotsial'nyi klass [The Precariat — a New Social Class]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. № 6. P. 3-13 (In Russian).

Voskanian M.V. 2009. Igra v individualizirovannom obshchestve [A Play in an Individualized Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. № 2. P. 170-176 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Батлер Дж. 2018. *Заметки к перформативной теории собрания*. Москва: Ад Маргинем. 248 с.

Бирюков А.А. 2015. Появление прекариата или возвращение пролетариата? (О книге Гая Стэндинга «Прекариат — новый опасный класс»). *Социологические исследования*. № 10. С. 158-162

Будрайтскис И.Б., Матвеев И.А. 2018. Современная левая мысль: «конкретный анализ конкретной ситуации» и его теоретические основания. *Социология власти*. 30 (4). С. 8-11.

Бузгалин А.В. 2017. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на всё? *Социологические исследования*. № 7. С. 43-53.

Бузгалин А.В., Булавка-Бузгалина Л.А., Колганов А.И. 2020. Маркс online: Будущее марксизма и марксизм будущего. Москва: ЛЕНАД. 344 с.

Восканян М.В. 2009. Игра в индивидуализированном обществе. *Общественные науки и современность*. № 2. С. 170-176.

Егорова А.Е. 2018. Автобиографический подход Дидье Эрибона в контексте современных дискуссий о классовой идентичности. *Социология власти*. 30 (4). С. 106-127.

Емелин В.А. 2017. Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности. *Национальный психологический журнал*. № 2 (26). С. 5-15.

Ильенков Э.В. 1984. Что же такое личность? *С чего начинается личность*. Москва: Наука. С. 319-358.

Кагарлицкий Б.Ю. 2017. *Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма*. Москва: Изд. Дом Высшей школы экономики. 280 с.

Колганов А.И. 2018. Маркс-XXI: пределы и потенциал социальной философии: Критические ремарки. *Вопросы философии*. № 6. С. 180-193.

Кондрашов П.Н. 2020. Марксова концепция становления целостности человека. *Вопросы философии*. № 5. С. 36-48.

Коряковцев А.А. 2013. Революционность рабочего класса: марксистская теория и современная реальность. *Социум и власть*. № 4 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsionnost-rabochego-klassa-marksistskaya-teoriya-i-sovremennaya-realnost> (дата обращения: 30.05.2019).

Сигачёв М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В. 2020. Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италия, Франция, Германия, Австрия). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 22 (3). С. 458-474.

Стэндинг Г. 2014. *Прекариат — новый опасный класс*. Москва: Ад Маргинем. 328 с.

Тощенко Ж.Т. 2015. Прекариат — новый социальный класс. *Социологические исследования*. № 6. С. 3-13.

Фишман Л.Г. 2020. Моральный баланс социального государства и правда леволиберального дискурса. *Вопросы философии*. № 5. С. 12-24.

Чиксентмихайи М. 2013. *Поток: Психология оптимального переживания*. Москва: Альпина Нон-фикшн. 464 с.

Шкарин Д.Л. 2018. Концепт «кризиса идентичности» в современном социально-философском дискурсе: теоретико-методологический аспект. *Вестник ЧелГУ*. № 5 (415). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-krizisa-identichnosti-v-sovremennom-sotsialno-filosofskom-diskurse-teoretiko-metodologicheskij-aspekt> (дата обращения: 19.04.2019).